

ПРОЛОГ

Автор просыпается, начинает восхождение и выставляет себя на посмешище на перевале Торонг-Ла, с чего и начинается это повествование.

Ночевка в деревянной клетушке выдалась на редкость холодной. Запищал мой походный будильник, я проснулся, резко сел, ослабил шнурок спального мешка, оставивший узкое отверстие для лица, и высунул руку в ледяную тьму. Пальцы долго шарили по шершавому полу, усеянному щепками и песчинками, в щели между половицами задувал холодный ветер. Наконец моя рука нащупала холодную пластмассу будильника с кнопкой.

Некоторое время я лежал неподвижно, полудремал, распятый на доске, с рукой, погруженной в море. Тишина. Холод. Мелкое прерывистое дыхание в разреженном воздухе. Все тело ломило, словно за ночь я натрудил мышцы.

Тогда, именно в тот миг, я понял, что мертв.

Это состояние трудно передать словами. Тело будто высосали. Я превратился в камень, в гигантский ледяной метеорит пепельного цвета. Внутри меня зияла каверна, где шевелилось инородное тело, что-то

продолговатое, мягкое и органическое. Труп. Но не я. Я был камень, я только обволакивал остывающий образ, я был наподобие исполинского, плотно облегающего гранитного саркофага.

Это ощущение длилось секунды две, самое большее — три.

Потом я зажег фонарик. На циферблате будильника высветилось 00:00. В этот момент отчаяния я уже решил, что время остановило свой ход, что оно больше не поддается счислению. Но, поразмыслив, понял, что просто случайно сбросил цифры, когда искал кнопку будильника. Часы на руке показывали двадцать минут пятого. Края дыхательного отверстия в мешке покрылись инеем. Температура была ниже нуля, хотя ночевал я в доме. Я вылез навстречу холоду, выкарабкался из мешка, одетый во все, что у меня было, сунул ноги в промерзшие туристические ботинки. Поеживаясь от холода, положил в рюкзак чистый дневник. Опять ничего за целый день. Ни одного наброска, ни единой записи.

Откинув дверной крючок, шагнул в ночь. Бездонное небо, усыпанное звездами. На горизонте, как челн на волнах, качался полумесяц, со всех сторон угадывались остроконечные силуэты гималайских титанов. Звезды горели так ярко, что свет их струился по земле — острые белые лучики, просеянные в громадное сито. Я взвалил на спину рюкзак — одно это несложное занятие стоило такого труда, что мне пришлось отдышаться. От недостатка кислорода в глазах заматались мушки. Высотный кашель раздирал глотку: сухие хрипы, 4400 метров над уровнем моря. Передо мной забрежжила тропа, она круто взбегала на каме-

нистый склон и исчезала в темноте. Медленно, очень медленно начал я мое восхождение.

Перевал Торонг-Ла, массив Аннапурны в Непале. Высота 5415 метров. Я сделал это. Я добрался до вершины! Такая легкость во всем теле, я опрокидываюсь на спину и учащенно дышу. Ноют ноги, налитые молочной кислотой, стучит в висках, болит голова — это первая стадия высотной болезни. Тревожно пылает рассвет. Нежданный резкий порыв ветра предупреждает, что погода скоро испортится. Мороз кусает щеки, я вижу, как горстка туристов, торопливо собрав рюкзаки, начинает спускаться к Муктинату.

Я остаюсь один. Нет, не могу уйти, рано еще. Так и не отдышавшись, сажусь. Прислоняюсь к обелиску, на котором полощутся флаги с тибетскими молитвами. Перевал выложен камнями, безжизненная груда валунов, ни травинки. По обе стороны высятся горные пики — черные грубые фасады, украшенные белыми, сверкающими ледниками.

Редкие первые снежинки хлестко бьются о куртку, подгоняемые порывами ветра. Плохо дело. Если заметет тропинку, идти будет опасно. Я озираюсь, других туристов сзади не видать. Надо торопиться.

Нет, не могу. Никогда в жизни я не забирался так высоко. Надо же как-то попрощаться. Поблагодарить. Импульсивно встаю на колени перед обелиском. Наверное, со стороны это выглядит смешно, но, оглянувшись еще раз, убеждаюсь, что вокруг ни души. Я подаюсь вперед, по-мусульмански задрав зад, кланяюсь и шепчу слова благодарности. На обелиске

литая железная пластина с тибетскими письменами. Что там написано, я не знаю, но вся надпись проникнута торжественностью и величием; я сгибаюсь еще сильнее и припадаю губами.

И тут же погружаюсь в подвалы памяти. Скоростной лифт вихрем уносит меня в детство. Из трубы, уходящей вглубь времен, кто-то спешит предупредить меня об опасности, да поздно.

Я прилип.

Влажные губы вмерзли в тибетскую молитвенную доску. Я пытаюсь смочить ее языком, но и язык приклеивается.

Каждый ребенок на севере хоть раз да побывал в моей шкуре. Студеный зимний день, перила на мосту, фонарный столб, заиндевшая железяка. В памяти отчетливо всплывает эпизод. Мне пять лет, я прилип языком к амбарному замку на мосту в Паяле. Сперва полное изумление. Когда я дотрагивался до замка варежкой и даже пальцем, ничего ведь не было. Оказывается, это коварный капкан. Я хочу позвать на помощь, но с прилипшим языком сделать это не так-то просто. Я отчаянно размахиваю руками, пытаюсь оторваться силой, но мне слишком больно. От стужи язык начинает неметь, рот наполняется кровью. Я бешено колочу ногами в дверь, отчаянно мычу:

— Мммыыы, мммыыы...

Тогда на помощь мне приходит мама. Она приносит чашку теплой воды, вода течет по замку, освобождая губы. На замке висят ошметки кожи, я клянусь, что больше никогда в жизни...

— Мммыыы, мммыыы, — мычу я, а снег тем временем идет все сильнее.

Меня никто не слышит. Если кто и поднимается, сейчас он обязательно повернет обратно. Задница торчит в небеса, ветер злобно стегает ее, леденит. Рот понемногу немеет. Сняв перчатки, пытаюсь отодернуть руками, отогреть плиту горячим дыханием. Бесполезно. Железо вбирает в себя тепло, но теплее не становится. Я хочу поднять плиту, вырвать из земли. Но она вмерзла, не шелохнется. По спине течет пот. Ветер задувает под куртку, пробирая до костей. Навдвигаются низкие тучи, заволакивая перевал серой мглой. Страшно. Ох как страшно! Все сильнее ужас. Я умру здесь. С губами, вмерзшими в тибетскую плитку, я не продержусь до следующего утра.

Остается одно. Надо рвануть с мясом.

От одной мысли мне становится не по себе. Но делать нечего. Я делаю пробный рывок. Боль пронизывает язык аж до самого корня. Раз... два... ну...

Хруст. Кровь. Такая боль, что я стучаюсь головой в плиту. Не идет. Рот приклеен как был. Рвани я сильнее, остался бы без лица.

Нож. Был бы у меня нож. Пытаюсь нащупать ногой рюкзак, но рюкзак валяется в нескольких метрах от меня. Живот сжимается от страха, содержимое мочевого пузыря грозит вылиться прямо в штаны. Стоя на четвереньках, как корова, расстегиваю ширинку.

Тут меня осеняет. Сдергиваю с пояса походную кружку. До краев наполняю мочой. Лью на губы. Моча течет по губам, те оттаивают, раз, два и я на воле.

Так я отписал себе жизнь.

Встаю на ноги. Молитва окончена. Язык и губы онемели, кровоточат. Но слушаются. А значит, я наконец-то могу начать мой рассказ.